

Иуда Светлая

Белая Ворона

12+

Ника Светлая

Белая ворона

«Автор»

2008

Светлая Н.

Белая ворона / Н. Светлая — «Автор», 2008

Что если бы единороги действительно жили в лесах? В книге Ники Светлой эти животные наделены самосознанием и гармонично вписываются в жизнь мира, ничем не отличающегося от нашего. Это разумные существа, живущие по своим законам. Однако даже мудрейшим свойственны предрассудки, страхи, заблуждения и безумие. Главная героиня книг, от рождения столкнувшаяся с неприятием общества, вынуждена бесцельно скитаться по миру. Изоляция и постоянное напряжение постепенно начинает сказываться на её психике...

© Светлая Н., 2008

© Автор, 2008

Ника Светлая, Вероника Самоцкая

Белая ворона

ГЛАВА 1

Она бродила по горным лесам, нигде подолгу не задерживаясь. Одинокая, она давно научилась не страдать от этого одиночества и, задумавшись, молчаливо пробиралась забытыми тропами. Трудно сказать, о чем она думала. Будучи весьма подозрительной и всегда оставаясь незаметной и неопутимой, подобно тени во мраке ночи и в свете дня, почти не останавливалась на своем пути. Ела она мало и мало спала, и то, лишь если была уверена в своей незаметности и безопасности. Она не любила применять силу, но при надобности сражалась подобно льву, защищая свою гордость, жизнь и независимость. Больше не дорожила ничем, потому что все, что было дорого, потеряно ею безвозвратно уже очень, очень давно.

Она чувствовала себя проклятой и не понимала, за что это проклятие снизошло на нее. Ничто не радовало ее в скитальческой жизни, кроме звездного Неба, на которое она была так похожа. Она пыталась уйти от мира, спрятаться от всех и от самой себя, и, если первое неплохо удавалось, то второе, к сожалению, было недостижимо. Различия между днем и ночью стирались, и ей было все равно, при свете какого из светил продолжать путь. Брела наугад, по велению сердца, никогда не оглядываясь назад. Многое ей пришлось познать: боль, страдания, страх, одиночество, изгнание и презрение... Она редко вспоминала свое прошлое, но и не надеялась на будущее; предпочитая жить настоящим, бесцельно бродила по лесам, будто бы убегая от чего-то или что-то преследуя. Не обращая внимания на границы, она шла быстро и бесшумно, не оставляя следов и всегда оставаясь незамеченной. Ее сердце очерствело, а душа покрылась жесткой непробиваемой корочкой. Однако она не была жестокой и бессердечной, вовсе нет, просто годы скитаний, гонений и одиночества сделали ее сильнее. Ей незачем было больше страдать.

В ее жизни не было цели, не было смысла. Даже если бы она погибла, переправляясь под покровом ночи через очередную реку или преодолевая еще один крутой склон, никто не вспомнил бы о ней, потому что единственное существо, которое любило ее, погибло много лет назад, защищая ее жизнь.

Уже очень давно никто не слышал о ней. Но ее боялись и не любили. Она была черным единорогом – белой вороной на фоне всех остальных.

Имя ей было Тень, и тени она была подобна. Единороги называют детей светлыми и гордыми именами, которые на нашем языке звучат как прилагательные: Сияющая, Предрасветный, Ясный... Ее же имя само по себе уже означало опасность.

Она помнила, как получила это имя.

Она помнила вскрик своей матери, когда та впервые увидела ее. В маминых глазах читались нежность, не любовь, нет... Страх. Страх овладел матерью, и она отскочила от дочери, оставив малышку беспомощно лежать. Тень помнила отчаяние, в тот же миг затмившее светлое лицо ее отца. Он поднял глаза к Небу, восклицая:

– За что? За что наказало ты нас, о Небо? Эта тень теперь будет лежать на нас до конца нашей жизни. Я не хочу этого. Я не перенесу этого. Прости меня, Лучезарная. Это знамение, это проклятие.

Он повернулся и скрылся, не сказав больше ни слова. И с тех пор никто не слышал о нем. Тень помнила, как мать глядела на нее, и на глазах ее были слезы.

– Тень легла на нас, – сказала она, обращаясь к пустоте, – проклятье настигло нас. За что?

Она вздохнула. Новорождённая чувствовала холод и голод, но никто не кормил и не согревал ее. Она не понимала, почему. Дитя пыталось встать, скребя копытцами землю, беспомощно барахтаясь и зовя свою маму. Лучезарная смотрела на нее, и в сердце проникла жалость. Страх пропал в ее глазах.

– Тень, – сказала она. – Тень – твоё имя. Тень легла на нас и сделала это с тобой. И чтобы победить ее, придется самой тебе стать тенью. Нет тебе иного имени, о Тень.

Она подошла к малышке, и слезы закапали на блестящую черную шерсть. Лучезарная омывала новорожденную, в глубине души надеясь, что сможет сделать ее вновь белой, но это было невозможно.

– Какой бы ты ни была, ты – моя дочь, и я буду любить тебя, и защищать не только от мира, но и от наших же сородичей. Ведь нет твоей вины в том, что родилась ты Тенью, – говорила Лучезарная, кормя свое дитя.

Тень вздохнула. Она помнила любовь милой матери. Только мать принимала и любила ее такой, какая она есть.

Впереди возникло озеро. Маленькое озеро, каких много в горах. Тень оглянулась кругом, беспокойно шевеля ушами. Кто знает, кого еще привела ночь на водопой? Никого не было видно, и тишину нарушал только стрекот сверчков. Она посмотрела на воду. Вода была грязной, и ни один единорог не притронулся бы к такой воде, не очистив ее предварительно рогом. Однако Тень не собиралась ждать, пока все озеро очистится: ей надо было продолжать путь. И она просто коснулась глади воды кончиком черного рога и опустила губы в образовавшееся окно. Пила быстро, внимательно рассматривая все вокруг и прислушиваясь. Напившись, единорог подняла голову и бросила взгляд на воду.

В оконце чистой воды она увидела черное, как смоль, существо с мягкой гривой, которая волнами развевалась на самом маленьком ветерке. Рог этого существа был невелик, но будто бы вылит из черной стали, как и аккуратные раздвоенные копытца. Глаза же его были переполнены глубокой печалью и леденящим холодом, пронизывающим и нестерпимым. Это создание можно было бы назвать прекрасным, если бы не мрачность и угрюмость его лика и этот черный блестящий окрас, который не выделял свет, а, наоборот, поглощал его. Этот черный цвет – причина всех несчастий.

В негодовании Тень разбила ногой свое отражение и бросилась прочь. Она бежала так быстро, как только могла, и грива ее металась подобно языкам черного пламени. Она неслась навстречу ветру, всю силу вкладывая в быстроту бега. Она хотела взлететь и могла бы, будь у нее крылья. Белые крылья... Она вскинула голову и понеслась еще быстрее. Почему именно белые? Она все прибавляла скорости. Овраг. Надо сбавить ходу. Готовность. Прыжок... Не доскочила, повисла на передних ногах, цепляясь копытами за камни. Задними быстро нащупала выступ, мощным рывком оттолкнулась от него, и, выскочив из пропасти, понеслась дальше. Гибель едва не настигла ее, но это вошло в привычку. Единорог скакал теперь по каменистому склону, не останавливаясь. Так он избавлялся от боли. Проскочив по склону вверх, запыхавшаяся Тень замерла перед пропастью на вершине горы. Диким взором пробежалась по краю, что стелился перед нею, а затем вскинула голову вверх к бледной Луне.

– За что? – вскричала Тень. – За что, о Луна, сделала ты меня тенью?

ГЛАВА 2

Луна не ответила. Она никогда не отвечала на ее вопросы, а лишь молчаливо взирала на нее своим бледным ликом и сочувствовала ей.

День за днем, ночь за ночью шла Тень из прошлого в никуда. Что бы она ни видела, она никогда не вмешивалась в происходящее. Быстрее, тише, беспристрастней, чтобы оставаться не видимой чужому глазу. Хотя, когда внезапно защемляло сердце, и тоска переполняла душу, становилось неважно, заметят ее или нет. Тогда она неслась, сломя голову и не разбирая дороги, лишь бы заглушить эту жуткую боль.

Она была мастером маскировки. Могла пройти прямо перед носом оленя, но тот не ощутил бы даже колебания воздуха. Будь она хищником, ни одна жертва не могла бы чувствовать себя в безопасности. Однако жизнь ее не зависела от плоти других животных, и потому никто не знал, что по земле этой ступает черный единорог. Тень редко задумывалась, как и куда идет. Обычно мысли уносили ее далеко прочь от реального мира. Возможно, в мечтах своих она бежала по звездам, если, конечно, умела мечтать. Мысли единорога невозможно угадать...

Тень ненавидела, когда ее называли темной, проклятой, падшей. Душа ее была светла, и она гордилась этим. Падших единорогов не бывает. Бывают падшие ангелы. Ведь ангелы мыслят подобно людям, и потому им знакомы алчность, зависть, жадность, злоба и коварство. Трудно представить себе единорога, пытающегося захватить весь мир. Такого быть не может. Единороги мудры и берут только то, что им нужно, и сражаются только за территорию и пропитание для своей семьи. И еще за свою свободу и честь. Они не завидуют. Если у соседа земли лучше, а территория обширнее, значит, он сильнее и по праву заслуживает все то, что имеет. А если он слаб и не развил в себе крепости и силы, то пусть получает то, что заслужил.

Тень помнила, что вышло, когда мать решила познакомить её со сверстниками. Дети, завидев необыкновенное создание, убегали и прятались за своих матерей, а те пятились к лесу и бросались прочь.

Маленькая Тень очень огорчалась.

– Мама, – спрашивала она, – почему они убегают, почему они не хотят со мной играть?

Что могла ответить ей Лучезарная? Она утешала свою дочь, как могла, но Тень росла в одиночестве. Отца у нее не было, и единственной, кого она знала, оставалась ее мать. Маленькой и любознательной, Тени хотелось играть и общаться. Она стала пытаться говорить с другими жителями леса и вскоре научилась их понимать. Особенно малышка любила птиц и много времени проводила, слушая соловьев. Птицы, что обитали в их лесу, постепенно перестали бояться, и пели, не обращая на нее внимания. Ей нравился молодой соловей, что жил прямо над их логовом в своем гнезде. Он иногда спускался пониже и разговаривал с Тенью. Мать ее знала, что, будь соловей постарше и поопытнее, он ни за что бы ни стал разговаривать с белой вороной – черным единорогом. Но на счастье малышки соловушка не боялся ее.

– Мне одиноко, – сказала она как-то соловью.

Тот спорхнул вниз и уселся на ветке прямо перед нею.

– Почему, маленькая принцесса? – спросил он вежливо.

– Мне не с кем поговорить. Все боятся меня...

– Почему?

– Я не знаю...

– Когда я был маленьким, – говорил соловей, – я был самым слабым птенцом в гнезде.

Мне часто доставалось от старших братишек и сестричек, и еды мне всегда давали меньше. Однако когда я вырос, оперился и научился летать, я почувствовал себя свободным!

– А почему я не могу летать? Почему ты можешь, а я не могу?

– Кто тебе сказал, что ты не можешь летать?

– У меня же даже нет крыльев...

– Ну и что. Каждый может полететь, надо просто захотеть этого.

– А ты меня научишь?

– Конечно. Закрой глаза и представь себе Небо. Ясное-ясное, звездное-презвездное, самое прекрасное, какое ты только видела.

Тень сделала, как он велел, а соловей продолжал:

– Представь, что звезды приближаются к тебе, и ты несешься к ним. Ты уже не на земле, ты невесома и легка. Ты летишь. Что ты видишь?

Она помнила, как, не раскрывая глаз, поведала соловью о том, что видела. Но вместо слов из уст ее полилась песня. Эта песня была самой первой в ее жизни.

*– Я вижу звезды в вышине,
Они смеются звонко,
Они летят, летят ко мне,
Как будто я не на земле,
А где-то в вышине ночной,
Я им киваю головой,
Я к ним несусь навстречу.*

*Взмахну я крыльями и вновь
Направлюсь прямо в Небо.
И бьется сердце, стынет кровь,
Трепещут крылья вновь и вновь,
Хочу я выше но, увы,
Они лишь светятся из мглы,
О, стать бы мне звездою!*

– так пела она, забыв обо всем на свете. И соловей, наклонив голову, слушал.

– Ты должна была родиться птицей, – сказал он, когда Тень открыла глаза. – Белой птицей, а не черным единорогом...

«Соловей, соловей, – думала Тень, – ты научил меня петь... Сколько еще моих сородичей поет на этом свете не только перед смертью?» Она наблюдала за струйками дождя, стекающими по желтой листве. Дождь был на исходе, и из облаков начинали пробиваться лучи золотистого света. Капли прыгали, перекатывались, блестели на солнце, играя всеми цветами радуги. Хотелось петь, погружаясь в их серебристую музыку и пропасть, растворившись в этом дуэте. Но капли имели право на песню, они смеялись у всех на виду, не боясь быть услышанными. И Тень внимала, не смея вмешаться. Они сбегали по ее рогу и серебрились на ресницах. Шерсть единорога намочила, а грива потеряла легкость и прилипла к телу.

Тень не помнила, сколько лет ступала по этой земле своими изящными копытами. Она не чувствовала себя старой, но сердце ее стало жестким. Впрочем, были и у нее мгновения, когда душа раскрывалась, подобно цветку, и она останавливалась, любясь чем-нибудь совершенно обыденным. Так сейчас она любовалась слезками дождя и их игрой в солнечном свете. Редко случались такие моменты, очень редко, особенно в последнее время. Она, практически, не знала радости в своих скитаниях, а жизнь без радости – что же это такое? В ее странствиях не было смысла, однако было бы неправильным назвать происходящее с нею слепым существованием. Как ни странно, но именно боль заставляла ее жить и двигаться вперед.

«Скоро зима», – думала она, наблюдая за мерцающими огоньками воды, ползающими по листьям. – «А скоро придут холода и снег. Белый снег... Мне трудно прятаться в нем... Может, податься на юг? Там не так холодно и будет меньше снега. Или спуститься на равнину?»

Вдруг какой-то шорох раздался позади нее. В долю секунды сердце вновь захлопнулось, и Тень неслышно шагнула в тень. Из кустов выскочил маленький единорог, преследуемый волком. Прыжок – и волк впился зубами в загривок малыша, повалив его на землю. Детеныш барахтался, кричал, но родителей видно не было. Тень могла бы спасти его, но не стала. Вместо этого она молча развернулась и пошла прочь. Она никогда не вмешивалась в чужую реальность, какой бы жестокой та ни была.

Кроме того, она помнила, как однажды спасла своего ровесника зимой, и какую награду получила взамен.

Тогда была первая в ее жизни зима. Тень гуляла по лесу одна (Лучезарная осталась пастись) и вдруг услышала треск и чей-то громкий крик. Пospешив на зов, она увидела Радужного, сына тех единорогов, что жили по соседству. Острыми клыками волчица впилась ему в загривок. Видно было, что она долго гнала его перед тем, как настичь: бедняга едва дышал от усталости. Не дожидаясь, пока волчица повалит Радужного, Тень выскочила из кустов и стрелю метнулась к ним. Забыв о страхе и предостережениях матери своей Лучезарной, она кинулась грудью на серую. Волчица от неожиданности отскочила в сторону, но в тот же миг была снова на ногах, готовая к бою. Зарывав, она обнажила страшные зубы и бросилась на Тень. Но Тень уклонилась и, мгновенно развернувшись, прыгнула на волчицу и копытами поразила ее в бок. Та взвизгнула, однако во второй раз бросилась на черного единорога. Благо, волчица была молода и неопытна, иначе без труда свалила бы маленькую Тень. Следующий ее прыжок Тень встретила метким ударом задними ногами по челюсти. Это был конец поединка. Поджав хвост, волчица скрылась.

Радужный поднялся на ноги, ошарашенный. Струйка крови сбегала по его загривку, обогрвая прекрасную белую шерсть.

– Ты... спасла меня... Зачем?

Тень не успела ответить. Из-за дерева выпрыгнул его отец. Он горой возвышался над маленькой Тенью, закрывая собою Радужного.

– Прочь от моего сына, черный единорог, – сказал он воинственно, – что ты с ним сделала?

– Она спасла меня... – слабо попытался вставить слово Радужный.

– Молчи, – оборвал его отец, – ты слишком напуган. А ты, проклятое отродье, прочь отсюда!

– Выбирай выражения на чужой земле, Ясный, – сказал спокойный голос за спиной у Тени.

Тень оглянулась. Ее мать Лучезарная стояла позади и смотрела в глаза единорогу.

– Что она сделала с моим сыном? – рявкнул Ясный.

– Явно ничего плохого, – невозмутимо ответила Лучезарная, – всего-навсего спасла от волка.

– Или натравила волка на него.

В глазах матери полыхнул гнев.

– С чего такие мысли? – спросила она с вызовом.

– Разве ты не видишь? Твоя дочь проклята! Тень лежит на ней! Даже находиться рядом с нею опасно!

– Прочь, – закричала Лучезарная и, прижав уши, выставила вперед рог.

Ясный забрал Радужного и ушел.

– Пойдем, – сказала мать дочери, – ты не найдешь у них благодарности.

Она вздохнула.

– Лучше впредь не вмешивайся. По крайней мере, не будет в том твоей вины...

ГЛАВА 3

Путь лежал через долину небольшой, но бурной горной реки. Место было открытое, небезопасное: и кролик бы не проскакал здесь незамеченным. Скалы шли круто вверх – ни уступа, ни тропинки. Однако сердце говорило Тени, что ей сюда. Она никогда не слушивалась веления сердца в выборе тропы, в остальном же принимала только холодный расчет и хитрость. Тень остановилась, обдумывая, как бы незаметнее проскользнуть через этот отрезок пути. Она знала, что, выйдя из леса, станет уязвима и открыта любому взору, и это не нравилось ей. Но сердце велело идти. И она пошла, мягко ступая по предательски шуршащим листьям, стараясь держаться ближе к отвесу, с которого падала тень: во мраке ее труднее заметить. Единорог миновала уже больше половины пути, когда внезапно в голове ее пронеслось – беда. Тень резко оглянулась, и грива ее взметнулась черными искрами. Там, в лесу, где она только что стояла, мерцали, отражая лунный свет, три пары хищных глаз. Они приближались. Тень разглядела их обладателей, когда те вышли из мрака деревьев. Звезды осветили три мощные приземистые фигуры, которые передвигались, пружиня мощными лапами. Волки. Их шерсть поднялась дыбом, глаза сверкали, чуя добычу. Тень решила, было, бежать, но спереди вдруг появились еще четыре зверя. «Я в западне», – мелькнула мысль. Сердце наполнилось гневом. Никакого страха, нет... Только внезапная атака могла бы испугать ее. А волки приближались, сужая круг. Когда они, наконец, разглядели предполагаемую жертву, то застыли на месте в нерешительности. Поза каждого из них отображала тревогу и сомнение.

– Черт возьми, – прорычал один волк, – черный единорог!

– Недобрый знак, – отозвался другой. – Она другая. Лучше не связываться с проклятием, лежащим на ней.

Глаза Тени полыхнули яростью.

– Молчать! – рявкнул волк покрупнее, идущий в середине, по-видимому, их вожак. – Какой бы она ни была масти, суть ее от этого не меняется. Она сделана из мяса и костей, как и любой из нас, и этим мясом мы сегодня пообедаем.

Волки ринулись вперед. Тень несколько секунд соображала, что ей делать. Бежать? Она быстро взглянула на утесы, на волков. Нет смысла. Придется принять бой. Она круто развернулась и бросилась рогом на ближайшего волка. Тот не успел отскочить, и был пронзен в грудь. Черная bestия тряхнула головой, и бесчувственное волчье тело соскользнуло вниз, ударились о скалы и упало на землю. В тот же миг единорог поднялась на дыбы и острыми копытами поразила в бок другого волка так, что он перекинулся на спину, но тут же вскочил и отпрыгнул в сторону. Подоспели остальные четыре хищника, и она была атакована сзади. Один зверь прыгнул ей на спину, другой вцепился зубами в хвост. Тень ударила задними копытами, волк, что держался за хвост, был отброшен в сторону и больше не поднялся с земли. Однако, чтобы ударить задом более метко, она совершила ошибку: опустила голову. В тот же миг вожак стаи впился зубами в загривок Тени, а тот зверь, что чудом удерживался на ее спине, укусил за холку. Под их тяжестью она не смогла поднять головы. Остальные три волка набросились на нее, намереваясь повалить. Кровь обагрила ее гриву, отнимая у нее силы, а волкам придавая бодрости. Тень начала отступать. Она пятилась до тех пор, пока ее задние ноги не оказались в воде. Из последних сил она оттолкнулась передними ногами. Двое волков не удержались, и их унесло течением. Остальные повисли на ней, вцепившись зубами и причиняя нестерпимую боль. Тень больше не могла сражаться. Последний скачок – и единорог упала на колени и повалилась на спину. Раздался пронзительный визг: она придавила волка, что сидел у нее на спине. В ярости Тень нажала на него еще сильнее, но тому удалось выбраться – он поджал

хвост и потрусил в лес, повизгивая и припадая на две ноги. Она пыталась встать, но не могла. В отчаянных попытках подняться Тень царапала землю копытами. Оба волка налегли на нее всей тяжестью, и вожак уже пытался схватить ее за горло. Свет начинал меркнуть в глазах единорога. Она знала, что теперь все – ей не жить.

Но неожиданно что-то черное пронеслось перед глазами у Тени. Визг вожака огласил долину и замолк. Последний волк бросился прочь, однако был настигнут чем-то могучим и предан смерти. Что это было? Кто? Почему? Это был явно кто-то живой, потому что он подошел к умирающей Тени и, склонив голову, заглянул в ее покрытые пеленой глаза глубокими голубыми очами. Тень погрузилась в болезненный сон. Решалась ее судьба, шла борьба со смертью. В этот раз победа оказалась за Тенью.

Как только она очнулась, первым делом вскочила на ноги и стала дико озираться. Острая боль пронзила ноги, и Тень пошатнулась. Загривок болел, земля в том месте, где она лежала, была мокрой от крови. Легкая грива отяжелела и слиплась, беспомощными лохмотьями повиснув на шее.

– Все в порядке, – раздался сзади незнакомый голос, – ты в безопасности.

Она рывком обернулась и замерла в изумлении, граничащем с шоком. Перед нею стоял исполинский единорог с ярко-голубыми глазами. От копыт и до кончиков ушей он был блестящего черного цвета, как и сама она. От удивления Тень пару минут приходила в себя, прежде чем снова почувствовала боль и смогла говорить.

– Ты... черный? Такой же черный, как и я? – только и смогла выговорить она.

– Тише, молчи, – ответил он, – не трать силы понапрасну. Да, я – черный единорог, как видишь. Печально, но с фактом не поспоришь. Ты можешь идти? Пойдем, здесь небезопасно.

Они двинулись, но шли медленно, и каждый шаг давался ей с трудом. Несмотря на это, Тень не переставала разглядывать незнакомца. Он был на две головы выше нее, сильный. Рог его был длинный и черный, необыкновенно широкий у основания, грива – негустой и потрепанной, но ниспадала до колен. Сильная шея и широкий лоб, небольшие уши. Он не был особенно красив или грациозен, даже напротив, слегка грубоват, но веяло от него такой мощью, что он с лёгкостью одолел бы и двадцать волков.

Тень не доверяла этому единорогу, но покорно шла за ним, держась при этом на расстоянии, ближе к затененным местам, и он это заметил.

– Не бойся, – сказал он мягко, – я не стал бы помогать тебе, если бы желал тебе зла.

– А я и не боюсь, – отрывисто бросила Тень.

– Зачем же так грубо? – удивился он. – Или ты не благодарна мне за спасение?

– С какой-то стороны, да, благодарна, – печально ответила Тень, – но с какой-то – нет.

– Занятно, – промолвил он, – весьма занятно.

– Почему ты помогаешь мне? – спросила она, внимательно глядя ему в глаза.

– А почему бы и нет? Мне кажется, я способен тебя понять.

– Неужели? – холодно поинтересовалась она.

– Думаешь, много черных единорогов ходит кругом?..

Она понимала, о чем он говорил. Это вечное одиночество. Однако она относилась к нему настороженно. В ее планах было два пункта: оправиться от ранений и продолжить свой путь.

– Я позабочусь о тебе, пока ты не окрепнешь, – тем временем говорил он. – Кстати, как твое имя?

– Зачем тебе его знать?

– Ну что же, мне обращаться к тебе на «Эй, ты!»?

– Зови меня Мрачной, – сказала она.

– Все это действительно несколько мрачновато. Кстати, я – Светокрад.

Он явно красовался перед нею, всеми силами старался поддержать беседу, хотя Тень уже давно мечтала о тишине и покое. Он не смотрел на нее прямо, как подобает единорогу, но изгибал шею дугой и косил глазом, слегка пританцовывая при этом. Таким поведением он уже начал изрядно досажать Тени, которая шла, закатив глаза к Небу и забыв о всякой осторожности. Обычно подобной небрежности от нее ожидать можно было с тем же успехом, с каким просить улитку станцевать латино. Однако факт остается фактом – Тень потеряла бдительность впервые за несколько лет. Где-то на подсознательном уровне она чувствовала себя спокойно и непринужденно рядом с силой и мощью Светокрада, хоть и не отдавала себе в этом отчета. Его простота и непринужденность обезоруживали ее, настолько они были непривычны. Наконец, Небо посветлело, и оба путника сочли наиболее разумным отоспаться до восхода луны. Они нашли приличную пещерку с узким входом, но широкую внутри. Светокрад улегся у стенки, оставив для своей спутницы мягкое ложе из листьев посередине. Однако Тень презрительно фыркнула и легла у противоположной стены, подальше от незнакомца, и уснула только тогда, когда была совершенно уверена, что тот спит. «А что, спящий он довольно милый, – подумала она и усмехнулась, – хотя бы теперь он молчит».

В тот день Небеса были благосклонны к Тени и дали ей выспаться вдоволь, несмотря на то, что от самой долины, где кровь еще не впиталась в землю, вели две цепочки единорожьих следов: один широкий и глубокий, а другой изящный и почти невесомый, хотя и было видно, что обладательница его тяжело ранена и представляет собой легкую добычу для хищника. Но никто не направился в тот раз по следам и не побеспокоил спокойного сна единорогов.

ГЛАВА 4

Маленький чёрный единорог бегала под капельками сосуллек, весело играя и беззаботно радуясь прохладным брызгам. Весна. Столь долгожданная, она, наконец, пришла и наполнила сердце малышки радостью и бесконечной энергией молодой жизни. Тени нравилось слушать музыку капли, и она часто подпевала ее простеньким мелодиям. Как и положено беззаботному ребенку, единорожка проводила большую часть времени в играх, в которых участвовало всё, что ее окружало: лес, весна, сосульки и бесконечное ясное Небо, которое, порою, было ее единственным собеседником: ровесники, если они и встречались на пути, непременно убежали в ужасе. Тающие сосульки казались необыкновенно вкусными и свежими на вкус, и она часто ломала их зубами и дарила маме, которая была очень рада таким подаркам. Вот и сейчас, увидев длинную и толстую сосульку на скале чуть выше нее, Тень решила отнести ее своей матери. Она вскарабкалась на уступ и схватилась зубами за середину сосульки. У основания что-то треснуло, и сосулька оказалась в зубах. Но Тень не удержалась на скользких камнях и шумно покатила вниз с ледяной горки. Малышка плюхнулась в сугроб, сосулька упала у нее перед носом. Тень тут же живо схватила ее зубами и весело потрусила разыскивать свою маму. Она не знала точно, куда та направилась, и шла наугад, подчиняясь велению сердца. Издалека она увидела сияние белой шерсти у нейтральной территории и поспешила туда с радостным предчувствием. Однако, подойдя ближе, она остановилась. Лучезарная стояла к ней спиной и беседовала с матерью Радужного..

– Она не виновна в том, что такую родилась, – говорила Лучезарная, – это не повод относиться к ней подобным образом. Одиночество так губительно для молодого, игривого разума...

– Пойми и нас правильно, – возразила мать Радужного, – ведь мы заботимся о наших детях и, по мере возможности, стараемся оградить их от беды.

– Тень никому не принесет беды!

– Кто знает? Мне страшно даже глядеть на нее.

– Она такой же единорог, как и все мы. Она так же чувствует, так же нуждается в счастливом детстве! Несправедливо отвергать ее, слепо подчиняясь каким-то предрассудкам.

– Трудно избавиться от предрассудков, когда повсюду лишь дурное о таких единорогах... Ведь она убила своего отца.

– Не смей так говорить! – гневно воскликнула Лучезарная. – Он убил себя сам! Он предал и меня, и свою дочь, и только сам принес себе гибель!

– И его можно понять, – заметила собеседница.

Сосулька выпала изо рта Тени и исчезла в сугробе. Ком подступил к горлу, обида и гнев поднялись внутри маленького хрупкого существа. Она вышла из тени и посмотрела прямо в чужие глаза, в которых не читалось ничего, кроме страха.

– Я НЕ НУЖДАЮСЬ в вашем обществе, – сказала она неожиданно взрослым, ледяным голосом, заставив отпрянуть обладательницу этих глаз.

Тень медленно шла навстречу матери Радужного со словами:

– Если вы не способны, если никто из вас не способен видеть глубже оболочки, дальше цвета шерсти, то вы – ничтожество.

Чужая пятилась, отступая перед Тенью, возвышаясь над нею, словно олень, отступающий перед твояющим щенком. Черный единорог же двигалась вперед, и каждый шаг ее был тверд, и каждое слово наполнено гневом.

– Ты достойна зваться единорогом даже меньше, чем я. И мне не нужны ваши снисходительные взгляды, ваши жалостливые вздохи и ваши трусливые попытки избежать общения со мной.

Внезапная боль во лбу пронзила Тень. В глазах ее потемнело, она остановилась. Кожа между глаз натянулась, шерсть встала дыбом. Мать Радужного в ужасе пятилась от маленького единорога, потом развернулась и бросилась бежать. Боль была настолько сильной, что Тень склонила голову и зажмурила глаза. Мать кинулась к ней и позвала ее по имени. Когда дочь подняла голову, Лучезарная увидела, что натянувшаяся кожа лопнула, кровь хлынула из раны и мгновенно осветилась багровым сиянием, которое исходило от небольшого кроваво-красного камня, показавшегося из раны посреди лба Тени.

– Не может быть, – прошептала Лучезарная.!

Боль прошла, Тень открыла глаза, ошалело моргая. По голове стекала кровь, а мать смотрела на нее, как на что-то сверхъестественное. Потом Лучезарная опомнилась и стала умывать малышку теплым языком, очищая от крови и пены.

– Тень, дочь моя, – сказала она, – у тебя во лбу рубин Мудрости!

– Что это значит? – спросила Тень.

– Это значит, что ты относишься к высшему племени единорогов, к самым мудрым из нашего рода. Твой отец был таким, пока проклятие не сломило его.

Тень не поняла ее тогда, но зато поняла позже, как и многие другие вещи, которые не может осознать ребенок. Скоро рана ее высохла, и рубин покрылся твердой черной корочкой, которая поначалу сильно чесалась, и Тень злилась из-за того, что приходилось постоянно тереться лбом о кору деревьев.

Внезапный шорох вытащил Тень из снов. Она мгновенно проснулась, перенеслась из прошлого в настоящее.

Светокрад лежал на своем месте, но не спал. Единорог разглядывал ее, и когда случайное движение ударило его рог о каменный потолок пещеры, раздался шорох, который и разбудил Тень. Боль от волчьих укусов и усталость мгновенно вернулась к ней.

– Пойдем, – сказал спутник мягко, – пора сполоснуться.

Ей с трудом удалось подняться, сжимая зубы от нестерпимой боли. Становилась очевидна ее полная беспомощность и незащитность. «Главное, – думала Тень, – избегать конфликтов. Пока я не могу противостоять кому бы то ни было, так что придется смириться с обществом этого приятеля. Кроме того, в данный момент хорошо бы иметь при себе подобного спутника как защиту от тех, кто не прочь воспользоваться моей временной слабостью. В любом случае, когда раны заживут, я оставлю его и продолжу свой путь!»

Светокрад явно знал эти края, потому что скоро привел ее к тихой заводи лесной речки. Она хотела, было, очистить рогом воду, но он опередил ее, так что ей не пришлось даже наклоняться.

– Купайся, – сказал он, – я посижу, чтобы не было случайных гостей.

Она не доверяла ему, но выбора не было, к тому же, мысль о проведении еще суток-двух в таком ужасном состоянии приводила ее в ужас и отвращение. Тень осторожно вошла в воду и с наслаждением почувствовала успокаивающую легкость в ногах. Речка была неглубока, и вода не доставала до холки Тени. Желтые листья плавали по волнистой поверхности, сталкиваясь друг с другом, и ветер раздувал паруса этих маленьких корабликов. Тень носом нагоняла воду себе на спину, соскребала засохшую кровь зубами, опускала шею в воду, омывая свою прекрасную черную гриву. Катаясь спиной по дну там, где было помельче, она не упускала из виду Светокрада, который озирался вокруг, то и дело повторно очищая воду рогом, совершенно не замечая ее подозрительных взглядов. Река вокруг нее окрасилась грязно-багровым. Она с тревогой замечала, что чёрный великан то и дело украдкой смотрел на нее и любовался ею. Тень очень не хотела, чтобы этот единорог привязывался к ней, потому что это могло бы сильно затруднить ее уход.

Она вышла из заводи на середину реки, где было самое сильное течение, и пошла против направления воды. Внезапно стало глубже, и она поплыла, быстро работая ногами. Плавание не составляло труда и не вызывало той боли, что пронзала ноги при каждом шаге. Светокрад шел по берегу, наблюдая за ее движением. Вскоре берега стали круче, и он вошел в воду и поплыл вместе с ней. Вода бурлила вокруг его мощного тела, а волны, создаваемые взмахами его сильных ног, сбивали Тень с пути и относили в сторону. Однако из гордости она не собиралась сдаваться, и он с веселым уважением поглядывал на нее краешком глаза. Когда глубина речки стала сходить на «нет», Светокрад пошел по дну, но Тени приходилось плыть, потому что до дна она не доставала. Раны давали знать о себе, и она быстро уставала, однако была слишком упряма, чтобы повернуть назад, и потому стала грести к берегу. Но течение не пускало ее и будто становилось быстрее. Светокрад, ее спутник, спокойно шел рядом, но она, как ни старалась, была слишком мала, чтобы дотянуться до дна.

Тень слабела, однако не желала ни показывать свою слабость, ни, тем более, просить о помощи. Светокрад, конечно же, замечал ее трудности, но умышленно не подавал вида. Попытки Тени приблизиться к берегу потерпели поражения, она стала тонуть. В какое-то мгновение голова ее оказалась под водой, но, нащупав копытами дно, она с силой оттолкнулась и вновь бросила себя в битву с течением. Когда силы оставили ее, и когда она, обессиленная, прекратила борьбу, Светокрад толкнул ее плечом и поднырнул головой под ее шею, направляя к берегу. Она была против спасения самой себя кем-то другим и слабо отбивалась, но это не мешало Светокраду вытолкнуть ее на мелководье. Едва почуввав под ногами твердую землю, Тень вскочила и отпрыгнула в сторону от своего спасителя.

– Весьма оригинальное принесение благодарности? – саркастически заметил Светокрад.

– Я НЕ ПРОСИЛА тебя этого делать! – ответила Тень ледяным тоном.

– И что?

– Зачем?..

Он промолчал.

– Ты мог толкнуть меня к берегу раньше, – сказала Тень после паузы, – прежде, чем я начала тонуть. Почему ты этого не сделал?

– Ну, ты же не просила, – ответил Светокрад непринужденно.

На этом разговор и окончился. После купания Светокрад показал своей спутнице глубь леса, где травы еще не сильно увяли и были вполне пригодны в пищу. Пока Тень ела, она обсохла, грива ее вновь приобрела былую легкость, а шерсть заблестела и стала переливаться красивыми бликами подобно черному металлу. Тень попробовала бежать, но боль усилилась, и пришлось оставить эту затею.

– Когда ты поправишься, ты уйдешь от меня? – неожиданно спросил Светокрад.

– Да, – ответила она, не скрывая правды.

– Не уходи, – попросил он.

– Чего ради? – поинтересовалась она сухо.

– Можно мне с тобой? – спросил он, не ответив на вопрос.

– Нет.

– Почему?

– Потому что «нет».

Своими вопросами, предложениями и вечной болтовней он сильно досаждал ей, и Тень безуспешно старалась побыть одна.

– Послушай, – сказала как-то она ему, – если ты не хочешь ускорять мой уход, то хоть изредка храни молчание. Я устала от тебя.

– Я лишь стараюсь избавить тебя от одиночества, – ответил он невинно. – За все время ты так и не улыбнулась ни разу.

Тень вздыхала и качала головой. «Раз уж я с ним живу и нахожусь под его охраной, то придется его терпеть. По крайней мере, до тех пор, пока я не смогу снова сама о себе позаботиться», – думала она. Ей было неуютно и странно жить на одном месте, и она часто просила Светокрада перейти в другой лес, но тот сразу приходил в ужас.

– Чего ради! – восклицал он. – Менять отлично обжитые места на неизвестность?!

Иногда ей было жаль его, иногда хотелось разорвать его на части. Она не понимала этого исполина, но ясно видела, что им не по пути. Он будто был большим ребенком, наивным и простым, и не было в нем той загадочности, той глубокой мудрости и бесконечности души, что она ощущала в себе. Он был прост и открыт, по крайней мере, по отношению к ней, и ей было это странно. Однако когда она находилась с ним рядом, простота его проникала в ее сердце, и Тень теряла свою постоянную бдительность, осторожность и подозрительность, так и не сумев привыкнуть к этому.

Дни рядом с ним летели, как дыхание из уст, и те полгода, что она провела под его охраной, пронеслись подобно ветру. Зима была легкой. Светокрад закрывал ее от ветра, разбивал копытами снег и лед и доставал ей пищу и воду. Весна затянулась до середины апреля, и только потом снег начал таять. Казалось бы, все хорошо и все счастливы, но это было лишь поверхностное мнение. И так не могло длиться вечно.

ГЛАВА 5

Однажды Тень проснулась при звуках капли и поняла: пора. Тонкий солнечный луч пробивался в пещеру через ветки кустарника, на которых блестели смолой вздувшиеся почки. Они подрагивали на ветру, заставляя солнечных зайчиков танцевать на стенах, полу и прыгать на черную шерсть спящего Светокрада, который подергивался во сне. «Нет, пожалуйста, не

надо, – долетела до Тени его сонная мысль, – не делай этого...» Он беспокойно сжимал веки, ресницы его дрожали, будто бы там, в его сновидениях, происходило нечто ужасное.

Тень тихо встала и подошла к нему. «Славный малый, – подумала она, – мне тебя жаль». Ноздри его трепетали, уши беспорядочно метались. Единорог наклонилась и прикоснулась губами к его щеке, желая прогнать кошмары. Великан вздрогнул, беспокойно шевельнулся, глубоко вздохнул и успокоился.

– Спасибо, – шепнула она.

Осторожно, стараясь не шуметь, выглянула из пещеры и с наслаждением втянула носом воздух. Судя по солнцу, день только начинался, и значит, проспала она совсем немного. Прежние раны почти затянулись, остались только малозаметные рубцы. Теперь можно было идти дальше по своему пути. Она оглянулась, чтобы бросить последний взгляд на спящего Светокрада, который теперь дышал ровно и спокойно, с выражением блаженства на лице.

– Прощай, – проговорила совсем тихо, хоть и знала, что он ее не услышит, – прости, – добавила чуть погодя.

Повернулась и скользнула в лес, где тут же растворилась между деревьев. Тень не знала, что тем же вечером Светокрад в своей пещере вскочил на ноги и с недобрый предчувствием в сердце стал озиаться вокруг. Не знала, как сжалась от боли его душа, когда он увидел на песке знак, означающий слово «спасибо». Не могла и предположить, что, оставленный ею, он рванулся прочь из дневного убежища, бежал по знакомым тропам, звал, искал, умолял. Искал ее следы, но Тень их не оставляла. Загнал себя и без сил упал прямо на тропу, тяжело дыша, и из его глаз рекою лились слезы. Она не знала, что он пошел за ней и поклялся найти ее любой ценою. А если бы и знала, все равно бы не поняла, зачем...

Тень зачарованно всматривалась в свое отражение в луже талой воды, что ручейком соединялась с небольшим озером и постепенно утекала в него, становясь все меньше и меньше. Она шла мимо, случайно бросила взгляд на гладкую поверхность воды и, как изваяние, застыла на месте. Из лужи на нее смотрело необыкновенно красивое молодое существо с коротеньким, но тонким и острым, как иголка, черным рогом. «Какая я красивая!» – думала Тень, не в силах оторвать взгляда от своего отражения. Стояла поздняя весна, богатая легкими прохладными дождями. Снег давно растаял, остались только маленькие почерневшие его островки в самом сердце леса.

Лучезарная тихо подошла сзади и встала рядом, бросив взгляд на свое отражение, затем на отражение дочери.

– Смотри, мама, – сказала Тень восторженно, – какая я стала красивая!

– Я это вижу каждую минуту, – ответила мать, – и никогда не устаю любоваться.

– У меня вырос рог, – заметила дочь с радостью в голосе, – теперь я – настоящий единорог!

Лучезарная встретила ее взгляд. Тень тонула в бесконечной нежности добрых глаз своей матери. На Лучезарную смотрели веселые, наивные глаза ребенка, и эти глаза светились шаловливым огоньком. Мать улыбнулась, мягко и ласково, и прижалась носом к черной шее дочки.

– Как жаль, что твой отец не дожил до этого дня, – сказала она печально, – как бы он сейчас был рад!

– А каким он был – отец? – спросила Тень.

Она смутно помнила высокую белую фигуру, которую увидела сразу после рождения еще неясным, размытым взором, припоминала звуки его голоса.

– О, он был великолепен, – сказала мать, прикрыв веки. – Он был высоким и стройным, и рог его был длиннее любого рога, который мне приходилось видеть. Все остальные его собратья блекли, казались жалкими по сравнению с ним. Его горделивая осанка и грациозная походка

завораживали, в его глазах, казалось, поместился целый океан, и перехватывало дыхание, когда взгляд его встречался с моим. У тебя его глаза и его походка, сложением же ты пошла в меня.

– Он был белым, да? – спросила Тень.

– Да, он был белым, – ответила мать, – не просто белым, белоснежным. От него словно исходило свечение. Он был подобен Луне.

– Как звали его?

– Месяцем называли его все, кто был знаком с ним, но настоящего своего имени он не открывал.

– Почему он ушел?

– Я не знаю, – сказала Лучезарная и отвернулась, чтобы дочь не видела слезы, скатившейся по ее щеке.

Тень снова перевела взгляд, в который замешалась задумчивость, на серебристую водную гладь.

– Ты все еще любишь его? – спросила она. – Даже после того, как он нас бросил?

– Его невозможно не любить, – ответила мать.

Тень тряхнула головой, стряхивая воду с гривы: капля веселилась, но ей-то мокро! Почему-то сейчас вспомнился тот далекий разговор. Единорог попыталась вызвать в памяти своего отца, но перед глазами неизменно возникал мрак, расплывчатые своды пещеры и высокая белая фигура с размытыми очертаниями. Будучи маленькой, Тень часто слышала от матери, что он вовсе не погиб, что он живет в наших сердцах и наблюдает за ними. Она верила, что души погибших близких вовсе не уходят, а остаются присматривать за теми, кого любят, и помогают им в трудную минуту.

Тень шла мимо озера. Оно было большим и красивым, но пленница дороги не остановилась, чтобы полюбоваться им. После разлуки со Светокрадом прежняя подозрительность, осторожность и хладнокровие вернулись к чёрному единорогу, и спасителя своего Тень вспоминала редко. Она не привыкла к кому-либо или чему-либо привязываться, доверяла только себе и никому больше. Но признавала, что каким-то невероятным образом этот наивный великан сумел приоткрыть ее сердце, размягчить его, даже завоевать некоторое доверие, и Тень ругала себя за подобную беспечность. «Возможно, – размышляла она, – я ослабла из-за ран, и единственным мостом к продолжению пути был именно он. Ведь если бы он не помог мне, я была бы уже мертва».

Она прошла много миль. Горы на ее пути сменялись равнинами, леса полями, и день ото дня становилось все теплее. Уже давно не видно было никаких следов единорогов, и это неудивительно, ведь их так мало на этой земле. Когда лес расступился, открывая впереди огромные поля, Тень колебалась, не решаясь выйти на открытую местность, где любой беглый взгляд сразу бы заметил черного единорога. Но сердце звало ее, и она подчинилась ему, решив дождаться ночи и во тьме перебежать до следующего леса. В неверном свете звезд Тень неслась подобно черному вихрю, догоняя ветер и обгоняя его, и это ей нравилось. Случайный путник, застигнутый ночью в поле, часто не замечал ее, ведь глаза человека слабы в темноте. А если он и слышал едва различимый стук ее копыт, то думал, что это, должно быть, одинокий всадник, спешащий по поручению, или просто лошадь, отбившаяся от табуна.

Поднялась молодая трава, еды стало больше, и сил и энергии у черного единорога прибавилось. Стали иногда попадаться человеческие жилища, но Тень всегда с предельной осторожностью обходила их стороной. Она догадывалась, что идет на юг, хотя ей было это не важно. Она шла туда, куда звало сердце.

В одно теплое весеннее утро Тень осторожно шла по березовой роще, где тут и там виднелись человеческие следы. «Как странно, – думала она, – они не скрываются, не замечают следы, не пытаются скрыть запах, а ведь любой легко сможет их выследить». Так в задумчивости

она брела между полосатыми стволами берез и вдруг услышала веселый, звонкий смех. Тень редко удовлетворяла свое любопытство, но подобного смеха ей еще не доводилось слышать. Она навестила уши и повернула голову навстречу звуку. Смех повторился. Он звучал у нее в ушах – мягкий, добрый, наивный. Осторожно, крадучись, Тень пошла ему навстречу. Дойдя до густого кустарника со вздувшимися почками, она с опаской выглянула из него.

Около дерева, в луче солнечного света, сидела на коленях маленькая девочка. В руке у нее была кукла, с которой она играла, весело смеясь. Волосы девочки были заплетены в косу, синее платьице местами испачкалось, она то прижимала игрушку к себе, то рассматривала на расстоянии вытянутой руки, усаживала рядом и весело хлопала в ладоши. Тени никогда еще не приходилось видеть человеческое дитя, и его незащищенность, наивность и доброта удивили ее. Девочка громко смеялась, не заботясь о том, что на звук могут прийти враги. Мысль о том, что ребенок может погибнуть, взволновала единорога, хотя она и не привыкла волноваться о ком-то, кроме себя. «Странно, – подумала она, – ребенок в лесу совсем один. Где же его мать?» Она осмотрелась вокруг, но никого, кроме маленькой девочки не увидела. В единороге пробудилось необычное желание помочь, хотя она никогда не вмешивалась в течение жизни. Раздвинув осторожно ветки, Тень вышла из кустов и остановилась в пяти шагах от ребёнка.

Девочка перестала смеяться и посмотрела на неё широкими радостными глазами. Поднялась с земли, оставив куклу под деревом, и протянула к Тени маленькие ручки.

– Лошадка! – сказала она и засмеялась.

Тень понимала ее слова, но ей было непривычно, что ее называли лошадью. Не успела она опомниться, как девочка без тени страха подбежала к ней. Единорог хотела отскочить в сторону, но не успела. Маленькие ладошки коснулись черной шерсти, и девочка прижалась щекой к плечу Тени. Это обстоятельство шокировало Тень, она могла бы ударить существо, позволившее себе подобную дерзость, отбросить его в сторону, уйти прочь, но не стала. Какое-то удивительное чувство заботы заполнило душу черного единорога. «Еще совсем мала, – подумала она, – ничего не понимает...»

– Где твоя мать? – спросила Тень, пристально глядя на макушку девочки. Русая макушка исчезла, появилось юное пухленькое личико с большими зелеными глазами.

– Не знаю, – ответила она громко после небольшой паузы, – мама сказала сидеть у качельки, но Эра не послушалась, Эра пошла в лес. Ты добрая лошадка.

– Я не лошадка, – возразила Тень мягко, – я – единорог.

– Единорожка! – воскликнула девочка и обхватила руками опустившуюся шею существа.

Голова, увенчанная рогом, поднялась, и ноги девочки оторвались от земли. Ребенок весело смеялся, и, покатав из стороны в сторону, черная вновь поставила его на место.

– Откуда ты пришла?

– Оттуда, – девочка указала пальчиком на север.

– Слушай меня, Эра. Если ты послушаешь единорожку и подождешь здесь, то единорожка приведет к тебе твою маму. Ты слушаешь единорожку?

– Ты хорошая единорожка, – сказала Эра, – я слушаюсь тебя!

Тень оставила девочку у дерева и пошла на север. Быстрым шагом она за полчаса дошла до человеческого поселения. У дома на окраине росла большая яблоня, украшенная белыми цветами, лепестки которых изредка по одному падали и кружились в воздухе. К самой толстой ветке были прилажены веревочные качели, а на них сидела, утопив лицо в руках, молодая женщина. Единороги общаются мысленно и часто могут прочесть мысли других существ, если их эмоции рвутся наружу. Мысли этой молодой женщины ясно пронесли у Тени в голове. «Доченька, милая моя доченька, – сокрушенно думала женщина, – что же я теперь без тебя буду делать? Нельзя было мне оставлять тебя одну, пока забор вокруг дома не поставлен... Всю ночь я не спала, искала тебя... Если и тебя у меня заберут, то ради чего мне останется жить?»

«Это мать девочки, – подумала Тень, – и ее история чем-то похожа на мою...» Единорог колебалась, не осмеливаясь показаться человеку. Но она решила, что другого выбора у нее нет. Она вышла из-за деревьев и остановилась, но женщина ее не замечала. «Заговорить с ней? – подумала Тень. – Нет, не стоит...» Она топнула ногой по земле. Женщина подняла голову, показав лицо, которое можно было бы назвать красивым, если бы не опухшие от слез глаза и мокрые красные щеки. Минуту они смотрели друг на друга, потом Тень шагнула ей навстречу, но женщина тут же вскочила и, оглядываясь, побежала к дому, захлопнула за собой дверь и появилась в окне. «До чего ж вы глупые, люди», – подумала Тень. Она коснулась носом качелей, подняла одну из кукол девочки, лежащих рядом на земле, и положила ее на сиденье. Затем развернулась, сделала два шага к лесу и выжидательно оглянулась на дом. Женщина стояла в дверном проеме, прикрыв раскрытый рот ладонью и дико глядя на черного единорога. Тень направилась вперед. Женщина пошла за нею. Двигалась она медленно, спотыкаясь, но Тень останавливалась и терпеливо посматривала назад.

– Эра! – воскликнула женщина и бросилась мимо Тени к девочке, которая сидела под деревом, в том же месте, где Тень оставила ее.

– Мама! – обрадовалась малышка.

Мать подняла ее на руки и прижала к себе.

– Тебя единорожка привела ко мне? – спросила девочка, указывая пальчиком на Тень.

– Д-да, – медленно ответила мать.

Две пары одинаковых зеленых глаз смотрели на Тень.

– Спасибо тебе, – сказала мать, – спасибо, черный единорог.

«Мне здесь больше нечего делать», – подумала Тень и медленным шагом направилась прочь. Мать с ребенком на руках смотрела ей вслед, чувствуя любовь и глубокое уважение к этому существу.

– Смотри, дочка, – шепнула она Эре, – запомни этот образ. Единорога видишь только раз в жизни. Тем более, черного.

ГЛАВА 6

Солнце светило красноватым пламенем, разбрасывая огненные искры по Небу, смеясь над бледной печальной луной, которая оставалась равнодушной и тихо серебрилась на фоне темнеющего небосклона. Океанская волна брызгалась и играла на изменчивой водной глади, пытаясь разбить дорожку солнечного света и поглотить само светило, пока оно спускалось к морю. В Небесах зажглись первые звезды, и огненный диск с беззвучным вздохом опустился в воду, окрашивая ее в золотисто-огненный цвет. Тишину нарушал только мягкий рокот моря да растерянный крик случайной птицы. Ветер метался между волнами, подбадривая их, и летел к берегу, шелестя в больших листьях тропических деревьев. Послушные его зову, волны поднимали из воды свои грузные тела и обрушивали их на песчаный пляж, чтобы потом с шумом отхлынуть обратно, забирая с собой песчинки и мелкие ракушки. В море они разворачивались и снова неслись к берегу, разбиваясь о природный волнорез в виде небольшой скалы, усеянной крабами и водорослями, на котором стоял, устремив взгляд в бесконечность, черный единорог.

Ноги его были тонкие, шея изящна, грива невообразимо легка, а рог остр и блестящ, как игла. Минуту назад Тень осторожно выглянула из-за деревьев и застыла на месте, потрясенная видом моря. Затаив дыхание и забыв об осторожности, медленно вышла из леса и остановилась только у края скалы, которая была прямо перед нею. Мать рассказывала ей о море, но как ничтожны слова пред его истинным величием!

Очнувшись от забытья, Тень перевела взгляд на ровный песок пляжа, который похищали волны. Внимательно осмотревшись вокруг, тихо спустилась со скалы. Песок оставлял на себе следы ее миниатюрных раздвоенных копыт. Вода ласково приняла ее ноги цвета ночи, обни-

мая их нежной прохладой. Какая-то странная радость и чувство облегчения заполнили сердце единорога. Она бросилась легким галопом по берегу моря, миллионы раз отражаясь в брызгах. На душе было спокойно, однако Тень всегда была начеку и готова к любым неожиданностям. Проскакав небольшое расстояние, развернулась и бросилась напрямик в воду, разбивая грудью пенистые волны. Восторженная, плескалась в воде, словно дитя, но ни на секунду не забывала об осторожности, поглядывая по сторонам и поводя ушами.

Вдруг что-то насторожило ее. Тень замерла в воде, как черное изваяние, и ничто, ни единое движение, ни единое подрагивание мускулов не выдавало ее настроения. В голубых глазах читалась холодная расчетливость и ничего больше. Тихий плеск воды раздался у нее за спиной, черная бестия рывком развернулась и через мгновение уже стояла лицом к морю, подвижная, спокойная, уверенная. Глазам ее предстало наполовину утонувшее в море красное солнце, которое, казалось, плавится и растекается по неровной водной поверхности. На его фоне выпрыгивали из воды, выделявая невероятные сальто в воздухе, серые дельфины; их было двое, и они беззаботно плескались в океане, играя с ласковой волной и словно стараясь дотянуться до Неба. Тень никогда прежде не видела дельфинов и с осторожным любопытством и подозрительностью глядела на них. Дельфины заметили ее и приблизились, заставив ее из осторожности попятиться к берегу. Их речь была ей неведомым образом понятна.

– Смотри, – сказал один дельфин второму, – какое удивительное животное! Ты когда-нибудь видел такое?

– Это единорог, – ответил второй скрипучим голосом, – но какой-то странный единорог. Не подплывай к нему близко, он может быть опасен.

– Хищник? Но даже если так, ему не угнаться за нами!

– Этот не такой, как другие. Единороги всегда белоснежны, благородны и честны. Этот же – непонятный. Никогда не знаешь, что от таких ожидать.

– Перестань, ты обидишь его!

– Да брось, – усмехнулся второй дельфин, – он не понимает нас. Вот не везет: черный единорог один на несколько сотен тысяч белых, и именно нам выпало его увидеть!

Это было последней каплей. Почти всегда, показываясь кому-то на своем пути, Тень слышала одни и те же речи! Ей было обидно и горько поначалу, позже она научилась не реагировать на эти оскорбления, но иногда подобные слова все же приводили ее в бешенство. Обезумев, Тень бросилась в море, разрывая водную гладь своей грудью, и побежала, выставив вперед черный рог, целясь в старшего дельфина. Однако те шарахнулись от нее, не допустив и на сотню шагов, и единорогица остановилась, когда вода дошла ей до горла.

– Что же вы? Иди, иди, трус, – закричала она, – докажи свою правоту в честном поединке! На слова вы все горазды!

Но дельфин взмахнул хвостом и скрылся в синей необъятности моря, увлекая за собой свою молодую подружку. Тень посмотрела им вслед, медленно развернулась и, печально опустив голову, побрела прочь.

Жизнь черного единорога проходила в вечных скитаниях без явной цели и намерения. Скиталица не знала, куда идет, зачем, и когда все это кончится. Не искала встреч ни с кем: даже в те редкие моменты, когда пересекалась с другим единорогом, Тень всегда обходила его стороной, тихая и невидимая, словно привидение. Абсолютное внешнее спокойствие не позволяло никому увидеть, какие вихри терзают ее сердце. Она добилась того, чего хотела: стала сильной, независимой и всегда готовой к любым неожиданностям. Юркая и ловкая, словно змея, при желании Тень неплохо владела собою в бою. Один на один ей под силу было справиться со львом. При ее приближении птицы, что сумели ее заметить, замолкали, а мелкие звери прятались в свои норы.

Однажды волею судьбы единорог вновь вернулась в свои родные земли, которые когда-то принадлежали ее отцу. Неслышная, шла она между смутно знакомых деревьев и не узнавала родных мест. Все, что было ей дорого, давно кануло в Лету. Теперь внуки или правнуки ее знакомого Соловья пели свои грустные песни. Она постояла около могилы своей матери, поросшей белыми цветами, попыталась мысленно воспроизвести любимый образ из памяти. Вспомнился голос Лучезарной и ее прекрасные голубые глаза, которые так нежно и заботливо смотрели на дочь когда-то. Неожиданно Тень поймала себя на мысли, что непередаваемо тоскует по матери. Глаза черного единорога блеснули, прозрачная слеза скатилась по переливающейся шерсти и тихо упала на лепесток белого цветка, одного из тех, что росли на могиле.

На могилах единорогов нередко расцветают белые цветы. Никто не знает, откуда они берутся, но из года в год они продолжают появляться в одном и том же месте, давая жизнь новому поколению цветов. Как маленький упрямый народец, поколение за поколением цветы оберегали смертный сон единорогов и по странной прихоти природы не могли расти и цвести в другом месте. И вот пришло время – зацвели цветы и на могиле Лучезарной. Теперь они грустно глядели на Тень, легонько трепеща на ветру, и их белые лепестки слегка отливали синевой. «Придет время, и на моей могиле тоже вырастут белые цветы», – грустно подумала Тень. Потом, задумавшись, добавила: «А вдруг мои цветы будут черными? Или их не будет совсем?» Вторая слеза упала на могилу Лучезарной. «Я никогда не стану такой, какой была ты, – сказала она тихо, склонившись к земле и чуть не касаясь гривой белых лепестков. – Я не достойна зваться твоей дочерью... Ты была величественна, светла, несла жизнь и свет в этот мир... А кто я?.. Я так одинока...»

Ветерок прошелестел по траве, тихо шепча ее имя. Тень подняла голову. Ее черную гриву откинуло ветром назад, и от нее на деревьях заплясали неясные тени. Перед черным единорогом стояла ее мать, такая, какой была перед своей смертью: молодая, прекрасная, светящаяся и нежная. Ворона не испугалась, застыла на месте, глядя на видение и не веря своим глазам. Лучезарная подошла ближе. Грива ее змеилась в воздухе, хотя ветра почти не было, мягкие белые пряди летели за нею, лёгкие, будто крылья. Движения ее были невесомы и неуловимы, ее шаги не производили шума и не оставляли следов.

– Мама, – прошептала Тень.

Лучезарная молча смотрела в глаза дочери. Она заговорила, ее голос был подобен шелесту ветра, который то набегал, то утихал. Ее грива, казалось, жила своей собственной жизнью: белоснежные пряди извивались в воздухе за ее спиной, не обращая внимания на законы тяготения. Ворона впервые слышала материнский голос, ведь они привыкли общаться мысленно, не произнося вслух слова.

Лучезарная светилась, подобно солнцу и луне, разбрасывая вокруг себя серебристое сияние.

– Ты не одинока, – сказала мать, – я всегда с тобой, я всегда в твоём сердце. Дочь моя, ты сбилась с пути. Не смотри глазами, смотри и чувствуй сердцем, которое ведет тебя. Вспомни, кто ты, моя малышка. Слишком долго ты скиталась без цели и намеренья, слишком долго боялась показаться на глаза. Заяви о себе! У тебя доброе сердце. Не стань порождением мрака, за которое тебя принимают.

– Но мама, – сказала Тень, едва дыша, – я не хочу быть посмешищем. Я хочу быть похожей на тебя...

– Если хочешь быть светлой – будь ею! – ответила Лучезарная. – У тебя достаточно сил, чтобы, если понадобится, защитить свою честь своим рогом. Вспомни, кто ты, дочь моя, вспомни...

– Вспомни... вспомни... вспомни... – шелестел ветерок.

Это слово повторялось, перебегало в воздухе, раздаваясь то тут, то там нежной, завораживающей мелодией.

Внезапно Тень обнаружила, что стоит, низко склонившись над могилой своей матери и цепляясь кончиком рога за траву. Грива ее упала вперед, и, закрыв лицо, распласталась по земле. Удивительно смотрелись белоснежные цветы, выглядывающие из черной, как смоль, гривы. Тень подняла голову, и не увидела вокруг никого. «Так это был сон? – пробежало в голове. – Значит, я заснула?» Единорог посмотрела под ноги, затем наклонилась и поцеловала белые лепестки. «Даже если это был сон, – подумала она, – это был хороший сон...» Единорог прислушалась. Вокруг было тихо, только где-то вдали слышалась птичья песня, да ветерок тихо шептал, перебегая от дерева к дереву: «Вспомни... вспомни... вспомни...». Какое-то странное умиротворение наполнило душу Тени. На некоторое время она даже утратила свою обычную бдительность и осторожность.

– Тень? Ты ли это?! – раздался сзади незнакомый голос.

Тень обернулась. Не рывком, не прыжком, а медленно и задумчиво, будто бы еще не совсем пришла в себя.

Невдалеке под раскидистым деревом стоял молодой единорог. Он был беспокоен, уши направлены вперед и слегка подергивались от волнения. Переступив с ноги на ногу, он неуверенно шагнул ей навстречу и остановился в луче солнечного света.

– Тень? Это правда ты?

Она удивилась, услышав звук своего имени.

– Тень? Да, так меня звали, – ответила она задумчиво, – но я полагала, что это имя давно забыто единорогами.

Белый просиял и подошел поближе. Глаза его светились радостью. Он явно не научился еще тому спокойствию, что отличало единорогов от других обитателей леса.

– Так ты не узнаешь меня? Не помнишь того малыша, что ты спасла когда-то? Это я, Радужный.

Радужный... Это имя показалось ей знакомым.

– Мы виделись только пару раз, неужели ты не помнишь меня, Тень?

– Помню, – промолвила она, – но зачем ты заговорил со мной? Зачем показался?

Внимательно посмотрела ему в глаза.

– Ты не боишься меня?

Он сделался серьезнее и даже суровее и как-то со снисхождением и странной нежностью посмотрел на нее.

– Ты спасла мне жизнь, я благодарен тебе за это. Когда мы увиделись впервые, я испугался тебя, это правда. Но после того, что ты сделала для меня, так бескорыстно и так самозабвенно, я понял, что внешность – не решающая единица природы. Ты не только спасла мне жизнь, но и дала новое рождение. И сколько бы ни твердили мне после, что с тобой лучше не связываться, я больше в это не верил.

В его взгляде не было насмешки.

– Ты правда так считаешь? Иногда я сама в этом не уверена...

Как необычен был для Тени этот разговор! Как долго не слышала своего имени из чужих уст, как долго ни с кем не говорила! А Радужный... Он не только запомнил ее необычное имя, но и не побоялся выйти и заговорить с ней! Тень скользила взглядом по его белоснежной шкуре. Только теперь начала замечать его необыкновенную красоту. Тонкий белый рог его был немного короче рога Тени, хотя сам он был выше ее ростом. Спокойная, слегка волнистая грива закрывала почти всю шею, на загривке – два еле заметных рубца. Радужный проследил ее взгляд.

– Так и не исчезли, – сказал он, – и остались мне на память. Не исчезли сами и не дали забыть о тебе.

Ветерок набежал на единорогов, заставив его гриву колыхаться, а ее – извиваться черными волнами. Радужный подошел еще ближе и остановился рядом, скользя взглядом по белым цветам.

– Она была великолепна, твоя мать. Глупо это отрицать и горько осознавать, что моя мать, хоть и была старше, но не была мудрее.

– Мама была единственным существом, которое я любила, и которое любило меня...

Белый единорог поглядел на черного, глаза его при этом грустно и сочувственно блеснули. Заметив, что Тень наклонилась и отвела взгляд, Радужный снова посмотрел на могилу. Ветер откинул его гриву назад, обнажив изящный горделивый профиль и точеный лоб. Он тоже знал эту историю.

ГЛАВА 7

Лето, второе в жизни маленькой Тени, выдалось жарким и засушливым. Травы было вдоволь, и доходила она до самых колен единорога. Мать с дочерью быстро пришли в себя после зимы и весело жили вдвоем в родном лесу. Каждую ночь вместе играли, резвились, гоняли мотыльков и любовались мерцающими звездами. То время было самым радостным в жизни Тени. Она успела привыкнуть к тому, что ее не любили, и с матерью ей никогда не было одиноко: Лучезарная старалась делать все, чтобы жизнь дочери была счастливой и беззаботной. Тень очень гордилась своим отражением в заводи и перестала обращать внимание на вороной окрас. В то лето она очень многому научилась у своей матери. Лучезарная обучала ее всему, что знала и умела сама. Она учила ее сражаться, прятаться, скрывать следы, распознавать запахи, выбирать тропы, познавать секреты трав, общаться с другими животными, что был, порою, очень тяжело. Но всякую науку Тень познавала с легкостью и радостью и часто пела для своей мамы, которой это было не дано. Уже к концу первого месяца лета Тень была неплохим следопытом и нередко соревновалась с матерью, разыскивая её в лесных чащобах. Лучезарная несколько раз водила дочь за пределы родного леса и показывала различные интересные и опасные места. Она учила, что в жизни надо всегда быть начеку и готовой к любой ситуации, что имена и облики бывают обманчивы, что спокойствие и бесстрашие всегда окупятся, и что честь свою надо отстаивать всеми силами. Тень много узнала от матери, ловила каждое её слово, делилась своими мыслями, и благодаря Лучезарной становилась сильной и уверенной. Они хорошо понимали друг друга и пережили вместе немало приключений, порою даже опасных, но никто из них и не подозревал, что час расставания близок.

В один из солнечных летних дней, полный щебетания птиц и стрекотни кузнечиков, ничто не предвещало беды. Тень весело шла рядом с матерью, радуясь, что можно погулять при свете дня. Она подпрыгивала и дурачилась, весело смеясь. Лучезарная глядела на дочь и улыбалась. И была счастлива.

– Когда-нибудь я покажу тебе море, – сказала она ласково, – тебе очень понравится.

– Море? – повторила Тень. – Что это такое?

– О, это прекрасное синее озеро, но воды его уходят за горизонт и не имеют границ. Оно похоже на Небо, и Небо отражается в нем. В море живут диковинные звери, один плавник которых вдвое больше твоего роста. Твои глаза, Тень, твои глаза похожи на море.

– Почему мы не можем летать, как птицы? – спросила Тень, мечтательно взглянув на Небеса.

– Можем, – ответила ей мать, – мы можем все. Ты поймешь, что бывают времена, когда и единороги летают. Небо, оно ведь живое. И если ты не можешь подняться к нему, то Небо придет к тебе само.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.